

Мирные люди в мирное время. Гао Линь, привыкший к суровой жизни, вдруг почувствовал, как эти слова кольнули его прямо в сердце. Горло сжалось, и он поспешил под благовидным предлогом улизнуть, чтобы в одиночестве поразмышлять о благах спокойной жизни.

Солдатам потребовалось два полных дня, чтобы предать земле тела всех погибших горожан. Цинъян превратился почти в пустой город. Лян Шу не стал отправлять Люй Сяна под конвоем в Королевский город Столицы Грёз, а повёз его с собой дальше на запад, заточив в сколоченную на скорую руку клетку, чтобы тот воочию увидел все раны, нанесённые земле.

Полуденное осеннее солнце по-прежнему жгло немилосердно, высушивая всё до последней капли влаги. Люй Сян отроду не знал таких мучений. Он понимал, что это самоуправство, противное законам Великой Янь, но не смел и слова поперёк сказать — знал, что Лян Шу и впрямь способен прикончить его до того, как императорский указ достигнет их.

Это был высокомерный, жестокий, неистовый безумец.

...

Лю Сюаньань придержал голову Лян Шу:

— Не двигайся.

В последнее время он часто приходил делать Лян Шу иглоукалывание во время ночного отдыха. Окружающие офицеры и солдаты, видя это, проникались умилением, сокрушаясь, как это князь Сяо, весь исколотый, как ёж, продолжает вести войска и днём и ночью — вот это истинное усердие и тяготы службы.

Лян Шу и сам чувствовал, что несёт немалые тяготы. От головы до плеч и шеи всё одеревенело, не пошевелинуться, не повернуться — точь-в-точь наполовину вырезанная деревянная кукла, только и может что сидеть столбом, да изредка по спине пробегают мурашки. Гао Линь под предлогом, что просто проходит мимо, сновал туда-сюда три или четыре раза и, наконец, улучив момент, когда Лю Сюаньана не было, подбежал и спросил:

— Ваше Высочество, может, придумать предлог, чтобы сегодня пораньше смыться?

На лице у Лян Шу тоже торчали иглы, и он, сохраняя надменную неподвижность, изрёк:

— Не надо.

— Правда не надо? — Гао Линь всё не унимался. Раньше у него таких сомнений не возникало: во всём дворце знали, что князь Сяо при виде иглотерапевта бежит, как от нечистой силы. Если уж сидит смиренно и даёт себя колоть, значит, точно помогает. Но теперь всё иначе: теперь его князь замыслил всякие неприличные вещи, и адъютант Гао счёл своим долгом выяснить — то ли это лечение, то ли разум помутился от страсти. Как бы в преддверии большой битвы главнокомандующий не забросил дела, одурманенный уколами.

Лян Шу сказал:

— Катись.

Гао Линь не покатылся. Более того, он плюхнулся на землю и продолжил надоедать. Лян Шу изначально не чувствовал особой боли, но, уставившись на этого истукана перед собой, тут же ощутил, что всё ему не так. Второе «катись» уже готово было сорваться с языка, но Гао Линь

вовремя вставил:

— Я последние дни наблюдаю и вижу, что второй господин Лю к Вашему Высочеству тоже весьма расположен.

Лян Шу с трудом буркнул «угу», решив дать ему ещё пару раз высказаться по-умному.

Но, как выяснилось, умных слов у Гао Линя был ограниченный запас. Закончив с «весьма расположен», он тут же свернул на военные дела и положение на фронте, да ещё и вытащил отдельно полуживого Люй Сяна в клетке, разобрав его случай в связи с разными придворными группировками. Лян Шу слушать не хотелось, но пришлось, и он кое-как собрал волю в кулак, чтобы поддерживать беседу. Лишь когда второй господин Лю вовремя вернулся, уши князя Сяо обрели краткую передышку.

Лю Сюаньань поставил на землю то, что нёс в руках:

— О чём беседовали?

— О военных делах, — ответил Лян Шу.

Лю Сюаньань решил, что надо бы поговорить с Гао Линем: военные дела лучше оставить на день, иначе какой смысл во всех этих успокаивающих иглах? Лян Шу сидел на мягкой скамеечке, позволяя тому снимать с головы иглу за иглой. Неизвестно, то ли иглы и впрямь подействовали, то ли слишком хорош был лекарственный аромат, исходивший от его рукавов, то ли руки слишком прекрасны, но так или иначе — острая головная боль, порождённая болтовнёй Гао Линя, исчезла, сменившись лёгкой, парящей расслабленностью и истомой. Закроешь глаза — и сразу уснёшь.

Лю Сюаньань убрал серебряные иглы и, лишь убедившись, что Лян Шу лёг, вернулся на свою сторону лагеря. А-Нин подал ему горячей воды для умывания и сказал:

— В последнее время всё холоднее.

— Саньшуй на возвышенности, там будет ещё холоднее, — ответил Лю Сюаньань. — Разложи заранее заготовленные согревающие травы по маленьким пакетикам, чтобы удобно было брать. Порцию для князя я приготавливаю сам.

— Хорошо, — А-Нин улыбнулся. — Господин, я заметил, что вы с князем становитесь всё ближе. Сегодня дядя Ли, конюх, говорил, что никогда не видел, чтобы кто-то держал голову князя, когда ему иглы ставят. Все вами восхищаются.

— Я же лекарь, — Лю Сюаньань присел у костра. — Но князь в последнее время слишком много думает, постоянно на взводе, не может расслабиться. Иглы да снадобья — это лишь временная помощь, корня проблемы не решают.

— Если проблема в мыслях, то и лекарство должно быть для души, — А-Нин подпер щеку рукой. — Надо бы найти какую-нибудь радость, чтобы князь порадовался, а не думал всё о войне.

Слова верные, но в такое смутное время походной жизни, когда впереди мятежники, позади беженцы, да ещё и река Байхэ то и дело, как решето, протекает, не то что радость, достойную взора князя Сяо, — даже просто найти дом, где бы свадьбу справляли, да чарку вина хлебнуть, было бы труднее, чем до неба достать.

А-Нин вызвался:

— Я у адъютанта Гао спрошу! Он столько лет на северо-западе, наверняка лучше нас знает, что князю по нраву. — С этими словами он встал, встал на цыпочки, посмотрел вдаль и, заметив, что Гао Линь как раз с кем-то беседует, тут же пустился бегом.

— Как раз вовремя, — Гао Линь указал пальцем. — Вон там фазана на вертеле жарят, хочешь?

— Не хочу, я спросить пришёл, — сказал А-Нин. — Что князь любит?

Гао Линь тут же протрезвел. Погоди-ка, с чего бы это вдруг такой вопрос? А если вспомнить про несбыточные грёзы его князя... Он ухватил А-Нина за руку и понизил голос:

— Твой господин спрашивает?

А-Нин смутился от такого горячего участия:

— Да, мой господин спрашивает.

Гао Линь забормотал:

— Хорошо, хорошо, очень хорошо.

А-Нин совсем запутался: что в этом хорошего?

Гао Линь в сватовстве был неискушён, куда хуже, чем в убийствах. Перед едва-едва проклюнувшейся нитью судьбы своего князя он боялся лишнее слово молвить, как бы ненароком не спугнуть. Потому и стал тянуть время:

— Надо хорошенько подумать.

А-Нин изумился:

— И думать тут есть о чём?

Гао Линь принял серьёзный вид и объяснил: князь вечно войной занят, свои пристрастия наружу не выставляет, а он, Гао Линь, человек невнимательный, так что нужно припомнить как следует.

Вернувшись к своему господину, А-Нин передал его слова и добавил:

— Адъютант Гао, не знаю почему, выглядел очень довольным.

Лю Сюаньань тоже не понимал, чему радоваться. Хозяин и слуга с полчаса шептались, в итоге заключив: наверное, обрадовался чему-то другому.

А Гао Линь тем временем размышлял: думал, это у князя одна сторона влюблена, а оказывается, и с другой стороны признаки взаимности пробиваются. Чудеса! Он тут же хотел побежать с радостной вестью, но личная охрана доложила, что князь уже лёг и перед сном выпил успокоительный отвар. Пришлось новость придержать, просидел с ней всю ночь без сна, а наутро явился с тёмными кругами под глазами, но бодрый и так и рвущийся в бой.

Лян Шу спросил:

— Ты что, сглазил кого или тебя побили?

Гао Линь принял загадочно-самодовольный вид, доложил всё, что положено по службе, и лишь потом таинственно приблизился:

— Ваше Высочество, радостная весть.

Дыхание ударило в шею, Лян Шу вздрогнул от неприятного ощущения:

— Выпрямись и говори громко.

Гао Линь:

— Это громко говорить нельзя.

Лян Шу нахмурился:

— Какая такая радостная весть, что громко нельзя?

Гао Линь прочистил горло. Сам велел громко говорить! И заорал что есть мочи:

— Вчера второй господин Лю через А-Нина ко мне приходил, спрашивал, что Ваше Высочество...

Не успел договорить, как Лян Шу схватил его за воротник и оттащил в безлюдное место. Прославленный полководец чуть не испустил дух на месте. Слезящиеся глаза, а его всё допытывают:

— Спрашивал что?

Гао Линь, став жертвой несправедливости, еле выдохнул:

— Спрашивал, что Ваше Высочество любит.

Бровь Лян Шу едва заметно дрогнула:

— Да?

<http://bllate.org/book/16268/1464368>